

Мартьянова Елена Георгиевна

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ И АПОКАЛИПСИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

В статье впервые выделяется типология сюжетов, построенных на идее "конца света": эсхатологические сюжеты, связанные с индивидуальным уровнем эсхатологии; эсхатологические сюжеты, связанные с всемирным уровнем эсхатологии; апокалипсические сюжеты, находящиеся под непосредственным влиянием образов книги "Апокалипсис" ("Откровение Иоанна Богослова"). Детальному анализу подвергаются работы М. В. Васнецова - триптих "Страшный Суд", "Распятие", "Сошествие во ад"; "Воины Апокалипсиса", - темпера В. Кандинского "Всадник Апокалипсиса", картина М. В. Нестерова "Философы".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 113-116. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 7; 75.046; 236

Искусствоведение

В статье впервые выделяется типология сюжетов, построенных на идее «конца света»: эсхатологические сюжеты, связанные с индивидуальным уровнем эсхатологии; эсхатологические сюжеты, связанные с всемирным уровнем эсхатологии; апокалипсические сюжеты, находящиеся под непосредственным влиянием образов книги «Апокалипсис» («Откровение Иоанна Богослова»). Детальному анализу подвергаются работы М. В. Васнецова – триптих «Страшный Суд», «Распятие», «Сошествие во ад»; «Воины Апокалипсиса», – темпера В. Кандинского «Всадник Апокалипсиса», картина М. В. Нестерова «Философы».

Ключевые слова и фразы: эсхатология; апокалипсис; эсхатологический сюжет; апокалипсический сюжет; русская религиозная живопись; Страшный суд.

Мартьянова Елена Георгиевна, к. филос. н.

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

helena183@yandex.ru

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ И АПОКАЛИПСИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Эсхатологические и апокалипсические сюжеты в живописи характерны для творчества как зарубежных, так и отечественных художников, жизнь которых приходилась на сложные исторические периоды. Одним из самых острых исторических периодов, приведших к возникновению эсхатологической и апокалипсической тематики и проникновению ее в различные области культуры и искусства, можно считать вторую половину XIX – первую половину XX в. Это можно объяснить острым переживанием «слома» эпохи и «смены» веков, социальными катаклизмами, распространением в обществе недовольства, чувств тревоги и неопределенности, ощущениями кризисности бытия и истории, предчувствиями приближения глобальных перемен, реальных катастроф и «последних времен». Исторические события этого периода, такие как, например, Крымская война 1853-1856 гг., отмена крепостного права, убийство царя, Помазанника Божия, Александра II, русско-японская война 1904-1905 гг., революционные события 1905 г. и 1907 г., Первая и Вторая мировые войны, гражданская война 1917-1923 гг., крушение империи и смена власти в стране и т.д., были благодатной почвой для развития эсхатологических и апокалипсических ожиданий в обществе.

Так, отечественный ученый Л. Ф. Кацис справедливо замечает, что именно в кризисные периоды эсхатологические ожидания тотально пронизывают и охватывают всю сферу культуры, проникают в философию, науку, искусство [5]. Именно во второй половине XIX – первой половине XX в. творятся такие знаменитые произведения как «Бесы» Ф. М. Достоевского (1871-1872 гг.), «Антихрист» Э. Ренана (1873 г.), «Quo vadis» Г. Синкевича (1895 г.), «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (с приложением краткой «Повести об антихристе») В. С. Соловьева (1900 г.), «Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Апокалипсиса» М. Барсова (1902 г.), «Конь блед» В. Я. Брюсова (1903 г.), «Апокалипсис в русской поэзии» А. Белого (1905 г.), «Грядущий хам» Д. С. Мережковского (1906 г.), «Година гнева» Вяч. Иванова (1905-1906 гг.), «У последней черты» М. Арцыбашева (1910-1912 гг.), «Путями Каина» М. Волошина (1915 г.), «Апокалипсис нашего времени» В. В. Розанова (1918 г.), «На суде пред Божиим престолом» Вяч. Иванова (1917 г.), «Двенадцать» А. Блока (1918 г.), «Апокалипсис в русской литературе» А. Кручных (1923 г.), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1946 г.) и т.д.

Таким образом, сложные переломные исторические периоды и смена культурных парадигм являются базой для формирования эсхатологических и апокалипсических сюжетов в русской религиозной живописи второй половины XIX – первой половины XX в.: «образ катастрофы является одним из универсальных художественных образов истории искусства, наиболее интенсивно и ярко развиваемый в переходные периоды культуры» [11, с. 9]. Однако, прежде чем приступить к их рассмотрению, что является целью данной статьи, необходимо разграничить термины «эсхатология» и «апокалипсис».

Эсхатология (от греч. *eschatos* – «последний, конечный» и *logos* – «учение») представляет собой «учение о конце света, входящее составной частью во многие религии» [6, с. 933]. Этот термин применяется в настоящее время для обозначения множества доктрин и верований, связанных с идеей наступления «последних времен», «конца света» и глобальных катастроф в религиозных системах различных народов и эпох, прежде всего в мировых религиях, а также в первобытных и языческих религиях древности, восточных и центрально-азиатских культах, культурах древних индейских цивилизаций Мезоамерики.

Можно выделить два уровня эсхатологии: индивидуальный и всемирный. В основе индивидуального уровня эсхатологии лежит представление о смерти и посмертной судьбе отдельного человека; всемирный акцентирует свое внимание на конечной цели и конце мира в целом, в христианстве этот период очерчен вторым пришествием Христа, Страшным судом, воскресением мертвых и наступлением Царства Божия [13, с. 15].

Однако в рамках иудео-христианской традиции широкое распространение получает термин «апокалипсис» (с греч. *ἀποκάλυψις* – «откровение», лат. яз. – *revelatio*), предстающий в настоящее время синонимом мирового катаклизма и всеобщей гибели человечества в конце времен. Но такое значение данный термин имел не всегда. Первоначально он означал «снятие покрывала, покрывала с чего-либо скрытого» [9, с. 705], «раскрытие будущего сокрытого от людей» [1, с. 5]. Бог открывает нечто отдельным «мудрым мужам», которые рассказывают миру о том, что совершается в глубинах истории, какие силы управляют миром, к чему идет человечество и вся Вселенная. Поэтому главное назначение апокалипсических произведений – раскрыть замысел Божий о человечестве, рассказать о суде Божьем над грешниками и о грядущем небесном царстве праведных.

В рамках иудео-христианской традиции известны несколько апокалипсисов: апокалипсис Иоанна, Петра, «Пастырь» Гермы и т.д. Однако классическим апокалипсисом принято считать «Откровение Иоанна Богослова», последнюю книгу Нового Завета о судьбах мира и человечества, изложенную преимущественно в символах и аллегориях. В данной книге апостол Иоанн Богослов рассказывает своим единомышленникам о потрясающем видении, которое однажды явилось ему на острове Патмос. Картины этого видения попеременно сменяют друг друга: Господь Бог в окружении двадцати четырех старцев, снятие семи печатей, семь ангелов с семью трубами, битва архангела Михаила с драконом, семь чаш гнева, второе пришествие Христа, воскресение мертвых, Страшный суд, Небесный Иерусалим. Таким образом, можно сделать вывод о том, что термин «эсхатология» намного шире термина «апокалипсис», ибо последний восходит только к иудео-христианской традиции, в то время как другой охватывает все религиозные системы в своей совокупности. Однако в то же время эсхатология иудео-христианства восходит к Апокалипсису и является его существенной и характерной частью [14].

Таким образом, содержанием ряда произведений изобразительного искусства являются полотна, демонстрирующие сцены из христианской эсхатологии, базирующейся во многом на символике Апокалипсиса. Иносказания и символика Апокалипсиса получают свое воплощение в живописи, иконописи, фресках, графике, эскизах, книжных миниатюрах и т.д. И здесь мы солидарны с мнением отечественной исследовательницы Е. О. Мирошиной, что «с художественной точки зрения композиции, посвященные эсхатологической тематике, сложны, интересны, создание таких ярких масштабных картин и впечатляющих зрителя образов привлекательно для реализации творческих замыслов... живописца, хотя одновременно требует и высокого духовного напряжения» [7, с. 118]. Действительно, в зарубежном и русском изобразительном искусстве достаточно вспомнить такие шедевры мировой живописи как «Страшный суд» А. Рублева (1408 г.), «Апокалипсис» А. Дюрера (1498 г.), «Видения потустороннего мира» (полиптих: «Страшный суд», «Вознесение праведников», «Земной рай», «Падение грешников», «Ад») И. Босха (1500-1504 гг.), «Страшный суд» Микеланджело (1537-1541 гг.), «Страшный суд» П. Рубенса (1617 г.). Русская религиозная живопись второй половины XIX – первой половины XX в. не являются в этом плане исключением.

В русской религиозной живописи этого периода, на наш взгляд, эсхатологические и апокалипсические сюжеты могут быть разбиты на три вида:

- *Эсхатологические сюжеты, связанные с индивидуальным уровнем эсхатологии.* К данному виду можно отнести следующие произведения, связанные со смертью и дальнейшей участью человеческой души; в данном случае в русской религиозной живописи наиболее наглядно это можно проследить на примере смерти Иисуса Христа как земного человека, его сошествия в ад и последующего воскресения: А. А. Иванов «Явление Христа Марии Магдалене после воскресения» (1835 г.), К. П. Брюллов «Христос воскресший» (1840-е гг.), К. П. Брюллов «Распятие» (сер. 1840-х гг.), А. А. Иванов «Явление Христа ученикам по Воскресении» (1850-е гг.), Н. Н. Ге «Возвращение с погребения Христа» (1859 г.), Н. Н. Ге «Весть о Воскресении» (1866 г.), Н. Н. Ге «Вестники Воскресения» (1867 г.), И. Е. Репин «Христос среди учеников после воскресения» (1886 г.), М. А. Врубель «Надгробный плач» (1887 г.), М. А. Врубель «Воскресение Христа» (1887 г.), В. М. Васнецов «Положение во гроб» (1896 г.), М. В. Нестеров «Сошествие во ад» (1897 г.), А. Кузнецов «Воскресение Христово» (1898 г.), В. Беляев «Положение во гроб» (кон. 1890-х гг.), В. М. Васнецов «Распятие» (1896-1904 гг.), В. Кандинский «Распятый Христос» (1911 г.), В. М. Васнецов «Сошествие во ад» (1896-1904 гг.) и т.д.

- *Эсхатологические сюжеты, связанные со всемирным уровнем эсхатологии.* К данному виду можно отнести следующие произведения, связанные с конечными судьбами человека и мироздания, поэтому самые популярные сюжеты связаны со вторым пришествием Христа, Страшным судом и конечной судьбой мира: А. А. Иванов «Проповедь Иисуса Христа на горе Елеонской о втором пришествии» (сер. 1840-х гг.), В. М. Васнецов «Страшный суд» (1885-1896 гг.), В. Кандинский «Ангел страшного суда» (2 разные картины 1911 г.) и т.д.

- *Апокалипсические сюжеты, находящиеся под непосредственным влиянием образов книги «Апокалипсис» («Откровение Иоанна Богослова»).* К данному виду можно отнести следующие произведения: Ф. А. Моллер «Апостол Иоанн Богослов, проповедующий на острове Патмос во время вакханалий» (1856 г.), В. М. Васнецов «Страшный суд» (1885-1896 гг.), В. М. Васнецов «Воины Апокалипсиса» (1887 г.), В. Кандинский «Всадник Апокалипсиса» (1911 г.), В. Кандинский «Ангел страшного суда» (2 разные картины 1911 г.), А. Рыбников «Остроугольный ангел апокалипсиса» (1918 г.), Н. Рерих «Армагеддон» (1936 г., 1940 г.), Б. Анисфельд «Четыре всадника Апокалипсиса» (1940-е гг.) и т.д.

Однако, по мнению ряда отечественных ученых (В. Никитина, М. В. Камышановой и др.), наибольшую популярность в русской религиозной живописи этого периода получили сюжеты, связанные «с картинами Страшного суда и явлением четырех всадников Апокалипсиса» [4]. Остановимся для примера на анализе некоторых из них более подробно.

Так, картина Страшного суда в наиболее полной и канонически безупречной форме прописана в трех работах известного отечественного художника В. М. Васнецова (1848-1926 гг.): так называемый триптих («Страшный Суд», «Распятие», «Сошествие во ад»), который был представлен в залах Академии художеств в 1903 г.

Сюжет триптиха М. В. Васнецова построен на основе библейского представления о Судном дне, на котором происходят разделение людей на грешников и праведников и определение их дальнейшей участи. В центре картины мы можем наблюдать ангела с весами, вокруг которого строится композиция: на земле внизу вершится суд, на котором справа от зрителя находятся грешники, горящие в адском пламени, а слева – праведники, обращенные с молитвой к небесам. На небесах находится Господь, лицо которого озарено гневом на грешников, рядом с ним находятся Иоанн Богослов, Богородица, ангелы и апостолы. М. В. Васнецов подчеркивает равенство всех людей перед Богом и одинаковые условия для суда над богатыми и бедными. Вестниками Судного дня выступают трубящие ангелы, которые объединяют земную и небесную сферы, паря между ними. Автор окрашивает свою картину в темные тона с множеством оттенков красного цвета, играет на контрастах и выстраивает композицию таким образом, что произведение вызывает ощущение трагичности и мистичности. Как замечает В. Никитин, «особое внимание привлекает трехчастная композиция Страшного суда, которую называли “гениальным избытком”, – с изображением небесного, земного и преисподнего. Этот замечательный триптих, сохранив традиции древнерусской иконописи, вместе с тем явился новаторским, по сути, произведением, дальнейшим шагом в искусстве Васнецова после его росписей в киевском Свято-Владимирском соборе» [8].

По мнению отечественной исследовательницы М. В. Камышановой, образ четырех всадников Апокалипсиса наиболее ярко демонстрируют полотна В. М. Васнецова (1848-1926 гг.) «Воины Апокалипсиса» (1887 г.) и В. Кандинского (1866-1944 гг.) «Всадник Апокалипсиса» (1911 г.) [4]. Следует отметить, что изображение четырех всадников Апокалипсиса взято из шестой главы «Откровения Иоанна Богослова». До сих пор нет единого мнения о том, что олицетворяет собой каждый из этих всадников, однако существует точка зрения, что всадник на белом коне часто именуется «Победоносный» («Завоеватель»), на рыжем коне – «Война» («Брань»), на вороном коне – «Голод», на бледном коне – «Смерть» («Чума», «Мор»). Всадники появляются строго один за другим при открытии первых четырех из семи печатей, они наделены силой сеять хаос и разрушение в мире и являются провозвестниками наступления «последних времен».

Например, М. В. Васнецов, следуя каноническим мотивам в живописи, на своем полотне изображает четырех всадников, появляющихся как будто бы с небес, в соответствии с обозначенной в тексте Апокалипсиса последовательностью. Всадник на белом коне изображен на переднем плане с луком в руках и венцом на голове, он сеет разрушения вокруг себя: на картине можно наблюдать множество поверженных людей разных социальных сословий – от царей до простолюдинов – с гримасами ужаса и безысходности на лице. Следующий за ним всадник на рыжем коне изображен с мощным мускулистым торсом, одетым только в набедренную повязку на лице, с занесенным для удара мечом, причем цвет волос всадника сливаются с мастью коня. Третий всадник изображен с истощенной фигурой и безжизненным лицом пепельно-серого цвета, с весами в руках. Последний всадник неестественно бледно-зеленого цвета с черепом вместо головы шествует на бледном коне с косою в руке. Вверху в центре картины виден Агнец.

В отличие от М. В. Васнецова, который использует для написания своей картины канонические мотивы и технику масляной живописи, В. Кандинский выбирает особую технику – живопись темперой под стеклом, где рисунок наносит с одной стороны, а смотреть на него надо с другой. Кроме этого, он изменяет канонические мотивы, выявляя в живописи «абстрактный» символический смысл, «создавая в “монументальном искусстве” контрапункт эмоциональных вибраций» [10]. На темпере В. Кандинский изображает лишь трех всадников, четвертый – смерть на бледном коне – замен несущим надежду синим всадником. Вероятно, образ «синего всадника» появляется здесь неслучайно: во-первых, В. Кандинским в 1911 г. было основано творческое объединение «Синий всадник»; во-вторых, образ «синего всадника» приобретает личное «рыцарское» начало, более того, «рыцарственный Синий всадник, жестикулирующий свидетель “ужасающей и осчастливливающей” мировой катастрофы, и проходящий испытания герой поэзии автобиографичны» [Там же]. Здесь подчеркивается автобиографичный характер Синего всадника и самого В. Кандинского, что дает нам право говорить о том, что эсхатологические и апокалипсические сюжеты в живописи могут выходить на те или иные исторические персоналии.

Кроме того, эсхатологические и апокалипсические сюжеты в русской живописи могут быть представлены не только как описание наступления «конца света», Страшного суда, осуждения грешников и вечных мук в геене огненной, но и чаяние мировой гармонии и преображения мироздания, торжество праведников и несказанное блаженство в раю, переход истории в надисторическую вечность, «схождение» с небес «Нового Иерусалима». И в этом плане особняком стоит картина М. В. Нестерова (1862-1942 гг.) «Философы» (1917 г.), на которой изображены портреты двух выдающихся представителей религиозно-философской мысли – С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского. На переднем плане картины изображены два человека, погруженных в беседу. Однако в одинаковых наклонах головы и одинаковых поворотах фигур совершенно разные выражения лица. Один из них – мужчина в черном пальто, С. Н. Булгаков – является олицетворением ужаса, яростного бунта и неистового противления; другой – священник в белой рясе, П. А. Флоренский – является воплощением мира, смирения, кротости, покорности судьбе. По замечанию С. Н. Булгакова, «это был, по замыслу художника, не только портрет двух друзей... но и духовное видение эпохи. Оба лица выражали одно и то же

постижение, но по-разному, одному из них как видение ужаса, другое же как мира, радости, победного преодоления. То было художественное ясновидение двух образов *русского апокалипсиса*, по сю и по ту сторону земного бытия, первый образ в борьбе и смятении (а в душе моей оно относилось именно к судьбе моего друга), другой же к побежденному свершению, которое нынче созерцаем...» [3]. Таким образом, здесь портрет «становится футурологической картиной» [12, с. 193], своеобразным предсказанием будущего России.

Итак, подводя итог, можно сделать следующие выводы: расцвет эсхатологических и апокалипсических сюжетов в русском изобразительном искусстве пришелся на вторую половину XIX – первую половину XX века в связи со сложной исторической обстановкой и кризисной ситуацией этой эпохи, создающей ощущение приближения «конца света». Эта тема актуальна и сегодня: недаром весь XX век, а особенно начало XXI века остро пронизаны эсхатологическими представлениями во всех сферах человеческой жизнедеятельности: быте, культуре, искусстве и т.д. И в этом плане мы согласны с мнением современной отечественной исследовательницы М. Ахматовой, что «отнесение актуальной кризисной ситуации к “последним временам” является одним из способов ее объяснения. Поместить события современности в эсхатологический контекст – значит наделить их смыслом и найти объяснение злу и несправедливости, царящим в мире» [2, с. 35].

Список литературы

1. **Апокрифические апокалипсисы.** СПб.: Алетейя, 2003. 278 с.
2. **Ахматова М.** Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. 336 с.
3. **Булгаков С. Н.** Священник о. Павел Флоренский [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/florensky.html> (дата обращения: 12.01.2016).
4. **Камышанова М. В.** Особенности воплощения эсхатологической темы в искусстве. Третья симфония Ефрема Подгайца [Электронный ресурс] // Вестник Башкирского университета. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-voploscheniya-eschatologicheskoy-temy-v-iskusstve-tretya-simfoniya-efrema-podgaytsa> (дата обращения: 25.12.2015).
5. **Кацис Л. Ф.** Русская эсхатология и русская литература. М.: ОГИ, 2000. 665 с.
6. **Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2005. 944 с.
7. **Мирошина Е. О.** Эсхатологические сюжеты в монументальной церковной живописи рубежа XIX-XX столетий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55). Ч. II. С. 117-124.
8. **Никитин В.** Апокалипсис и эсхатологические мотивы в русской культуре XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://flatik.ru/valentin-nikitin> (дата обращения: 04.01.2016).
9. **Новый библейский комментарий:** в 3-х ч. СПб.: Мирт, 2001. Ч. 3. Новый Завет. 751 с.
10. **Соколов Б. М.** Кандинский – теоретик искусства, мифотворец, моралист [Электронный ресурс] // Кандинский В. В. О понимании искусства. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/1999/2/kandin.html> (дата обращения: 12.01.2016).
11. **Швец Т. П.** Катастрофа как тема и образ в истории изобразительного искусства (на материале живописи и графики немецкого экспрессионизма): автореф. дисс. ... к. искусствоведения. СПб., 2012. 25 с.
12. **Шестаков В. П.** Эсхатология и утопия: очерки русской философии и культуры. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 208 с.
13. **Якимова Е. Г.** Проблема эсхатологии в христианской традиции: религиозно-философский анализ: автореф. дисс. ... к. филос. н. Тула, 2012. 23 с.
14. **Якимова Е. Г.** Соотношение понятий «апокалиптика» и «эсхатология» в иудаизме и христианстве // Позиция: философские проблемы науки и техники: сборник статей / под ред. С. И. Некрасова и Н. А. Некрасовой. М. – Орёл: Изд-во ОГУ, 2010. Вып. 4. С. 135-144.

ESCHATOLOGICAL AND APOCALYPTIC PLOTS IN RUSSIAN RELIGIOUS PAINTING OF THE SECOND HALF OF THE XIX – THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Mart'yanova Elena Georgievna, Ph. D. in Philosophy
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
helena183@yandex.ru

The article for the first time singles out the typology of the plots based on the idea of “the end of the world”: eschatological plots associated with the individual level of eschatology; eschatological plots related to the universal level of eschatology; apocalyptic plots that are directly influenced by the images of the book “Apocalypse” (“Revelation by John the Apostle”). The works by V. M. Vasnetsov – the Triptych (“Judgment Day”, “The Crucifixion”, “Descent into Hell”), “Warriors of the Apocalypse”, – the tempera by V. Kandinsky “Horseman of the Apocalypse”, the painting by M. V. Nesterov “Philosophers” are analyzed in detail.

Key words and phrases: eschatology; apocalypse; eschatological plot; apocalyptic plot; Russian religious painting; Judgment Day.